

ПУТЬ КУЛАКА

Белорусское каратэ отмечает юбилей

30 лет назад японское боевое искусство получило в наших краях официальную прописку. По сравнению с многовековой историей самого каратэ — возраст детский. Но за эти три десятка лет воины в белых кимоно успели пройти путь от подвальных залов и полулегального статуса до «золота» крупнейших международных турниров, которого по стенам белорусских спортзалов развешено немало. Сегодня мы пытаемся вспомнить все этапы этого непростого пути и разобраться в том, что же такое «советское каратэ», присваивают ли пояса сотрудникам КГБ и обязательно ли каратисту ломать руками кирпичи?

Сам себе сэнсэй

В Советском Союзе слово «каратист» долгое время было синонимом слова «супермен». Каратист, как полагали по эту сторону «железного занавеса», должен уметь все: воспарить в воздухе, ударом руки расколоть кирпич, одной левой положить дюжину соперников. Нужно ли говорить, что в конце 60-х, когда вместе с героями фильма «Гений дзюдо» на просторы 1/6 части суши пробился образ бравых бойцов в белых кимоно, желающих овладеть таинством незнакомого боевого искусства было огромное количество. В немалой степени и потому, что в отличие от привычных вольной борьбы и самбо каратэ мудреным образом сочетало в себе запретный плод западной цивилизации и загадочность Востока. Секции, в которых сэнсэй-самоучки преподавали приемы, которые они сами большей частью почерпнули из фильмов, плодились, как опята в осеннем лесу.

— Ни учебников, ни тем более тренеров в то время не было, — вспоминает первый чемпион БССР и СССР по каратэ Олег Кириенко. — Что-то брали из фильмов, но из увиденного на экранах сложно понять, что к чему. В 1970 году прошел первый чемпионат мира по каратэ, появилось несколько фотографий, по которым, впрочем, также сложно было определить технические моменты. Остальное фантазировали. Узнал, скажем, кто-то, что каратисты могут руками срубить сучки деревьев, бегать по стенкам, делать сальто и рубить ладонями кирпичи, и дружно начинали работать в этом направлении...

Сколько рук было сломано и сколько синяков набито в процессе «обучения», история умалчивает. Следует полагать, немало. Тренироваться большей частью приходилось на школьных спортплощадках, на стадионах и даже в лесу: директора спортшкол и ФОКов настороженно относились к новомодному увлечению, тем более что в 1973 году спорткомитет СССР уже пытался своим приказом (правда, безуспешно) запретить каратэ «как метод физической подготовки, не имеющий ничего общего с советской системой физвоспитания». Тем не менее каратэ в списке «народных видов» по-прежнему уступало разве что футболу и хоккею, число секций в стране продолжало расти, а среди желающих надеть кимоно были и представители интеллигенции, и криминала, и дети

Олег Кириенко

высокопоставленных родителей, и хулиганистые подростки из неблагополучных семей, и пэтэушники, и солидные чиновники.

— Настоящее каратэ для меня началось в 1978-м, — вспоминает Кириенко. — К тому времени мы уже чему-то научились, вместе с такими же энтузиастами из Прибалтики, России и других республик организовали несколько соревнований и успели объехать с «гастролями» почти весь Союз. А потом мы с моим учителем Александром Кожемякиным оказались в украинской Горловке, где увидели выступление конголезца Александра Бумбу, имевшего невероятный по нашим представлениям пятый дан, и достаточно сильного петербуржца Владимира Илларионова. После того случая я не спал две ночи, а вернувшись домой, понял, что все, что мы делали до этого, имело мало общего с настоящим каратэ.

Школа специального назначения

Впоследствии Илларионов стал чемпионом и тренером сборной СССР, начал «курировать» белорусскую команду. Но это уже другая история. История спортивного каратэ. Что же касается Кириенко, то его в то время, как и сейчас, больше интересовало искусство боя, спорт в котором является лишь частью. К слову, именно с этой точки зрения на каратэ смотрели и те, кто должен был не допускать проникновения «заразы вольнодумства» в СССР. Сотрудники КГБ. Каким ветром их занесло на тренировки каратистов под руководством студента МГУ и одновременно атташе японской торговой фирмы в СССР японца Тецуо Сато, догадаться несложно. Но выводы они сделали совсем не те, каких от них могли бы ждать опальные спортсмены. Увлеченные каратэ, они понимали, что этот вид единоборства можно и нужно использовать при физической подготовке своих сотрудников.

Первый чемпионат Беларуси по каратэ.
1979 г.

— Со спецслужбами у меня отношения складывались сложно, — вспоминает Кириенко. — Я одним из первых был приглашен для того, чтобы готовить сотрудников спецподразделений КГБ. На дворе год 1979-й был или 1980-й... Я поначалу согласился, но потом изменил решение. И дело даже не в вербовке. Я был действующим тренером, работал со сборной Беларуси, сам выступал на соревнованиях. Когда же пригласивший меня полковник объяснил, что будет требоваться от меня «там», когда я понял, что будет еще бумажная работа, мне придется участвовать в каких-то «общефизических» первенствах... я отказался и предложил вместо себя несколько фамилий. Ребята подошли и неплохо проявили себя на этом поприще.

Одним из тех, кто по рекомендации Кириенко в 1979 году начал работать с КГБ, а с 1981 года — в центре рукопашного боя, был Леонид Лущик — ныне заместитель председателя Белорусской федерации традиционного каратэ и главный тренер сборной. Интересно, но именно ему впоследствии было суждено стать одним из тех, кто сумел сохранить традиции белорусского каратэ, когда вид оказался под запретом. В органах переименованное в рукопашный бой каратэ продолжало жить и служило делу безопасности тех, кто по ту сторону казарм выжигал его каленым железом.

— Начав работать, я понял, что традиционные приемы каратэ далеко не всегда подходят для решения стоящих перед спецслужбами задач, — вспоминает Лущик. — Я никогда не занимался борьбой, мне нужно было изучать болевые приемы, тренировать работу с оружием. Вдобавок ко всему существует несколько разновидностей рукопашного боя, в зависимости от тех задач, которые стоят перед обучаемыми...

Результатом этого «обучения с колес» стала, пожалуй, самая эффективная и прикладная система приемов, которая сегодня применяется во всех без исключения частях и подразделениях армии и спецслужб. Рукопашный бой ВДВ. Сегодня те ребята, которых в свое время готовил Леонид Лущик,

сами тренируют наш спецназ. И, как и их учитель, учат бойцов не только комбинациям приемов, но и умению быстро принимать решения в самых сложных ситуациях. Леонид Николаевич демонстрирует несколько «старых» и «новых» приемов, используемых в своей работе спецподразделениями. Легкость, с которой Леонид Николаевич раз за разом выбивает нож, наводит на мысль о его неуязвимости. Впрочем, сегодня даже ученики Леонида Лущика работают на татами так, что кажется, они могут остановить и пулю. «Наши ребята всегда были одними из лучших», — не без гордости говорит Лущик. Однако своих учеников мастер учит не только точным ударам и быстрым передвижениям. Тактика и манера разговора, психологическая устойчивость. Все это является составной частью методики не только Леонида Лущика, но и любого представителя старой школы советского каратэ. Методики, опробованной годами работы в спецслужбах. Методики, в свою очередь, ставшей частью того, что сегодня называется белорусским каратэ. Методики, за которую запросто могли уволить с работы, сделать изгоем в обществе или вовсе посадить за решетку: в 1984 году каратэ было признано антисоветским.

Запретить нельзя разрешить

«Я до сих пор не понял, в чем была причина запрета, — одним из первых от подувшего из-за кремлевских стен ветра перемен пострадал основоположник советского каратэ Алексей Штурмин. — Кто-то говорил, что все дело в том, что, мол, каратисты едва ли не поголовно поддерживали польский режим, нам пытались пришить какие-то политические убеждения. На самом же деле диссидентов и антисоветчиков среди каратистов было не больше, чем среди ученых или, скажем, деятелей культуры. Никто не думал бороться с существовавшим строем, мы просто тренировались».

— По-моему, причина запрета каратэ вполне четкая, — не соглашается Олег Кириенко. — Их даже несколько. Во-первых, это отсутствие необходимого количества профессиональных тренеров и, как следствие, высокий травматизм. Группы набирали все кому не лень. Узнав пару-другую приемов, ребята начинали считать себя едва ли не гуру. В результате только за два первых года на официальных соревнованиях и сборах было 5 смертельных случаев! Некоторые произошли прямо у меня на глазах. Мы ведь свято верили, что «бесконтактное каратэ» подразумевает лишь отсутствие сильных ударов в голову. По остальным же частям тела лупили со всей дури. У меня, как и у любого финалиста, после окончания турнира была сломана добрая половина ребер.

Олег Кириенко и Андрей Вилькин

Даже сами чиновники того времени впоследствии признавали: главной причиной стал не творившийся в платных группах финансовый беспредел, не криминальные истории с участием «каратистов» — самоучек и даже не смертельные случаи на соревнованиях. Да, контроля за деятельностью секций практически не было. Да, в некоторых группах с человека в месяц брали от 10 до 25, а то и все 50 рублей (немалые по тем временам деньги!), а в зале занимались от 15 до 30 человек. В конце концов, со всем этим можно было бороться. С идеологией же дело обстояло куда сложнее. Вопрос каратэ обсуждался на заседаниях политбюро, активистов постоянно вызывали «наверх» для «консультаций»... Долго так продолжаться не могло.

— Каратэ было основано на чуждой советскому человеку идеологии, так нам говорили, — вспоминает Кириенко. — Оно воспитывало в человеке творческую и независимую в суждениях и поступках личность, которая совершенно не вписывалась в существовавшую в то время систему координат. Решающим аргументом стало то, что, как говорят, от рук «каратистов» пострадал сын какого-то крупного деятеля московского горкома.

Но даже после этого с каратэ не было покончено. Понимая полезность и учитывая массовость вида, партийные чиновники попытались создать на базе восточной «заразы» советское, «правильное»

каратэ. Начали менять терминологию, убрали даны и пояса, исключили особо травмоопасные приемы. Но закончить перестройку не успели. Испугавшись обилия «вылезших» вслед за каратэ боевых школ вроде ушу, таэквондо, «наверху» от греха подальше решили срубить «вольнодумство» одним махом. Исключение сделали лишь для ушу: его последователи каким-то непостижимым образом смогли убедить чиновников в том, что их увлечение — просто оздоровительная гимнастика. К слову, впоследствии под маской школ ушу начало пускаться ростки и каратэ.

— Мне довелось много слышать о том, что, дескать, за занятия каратэ можно было даже попасть в тюрьму, — рассказывает Кириенко. — Но на моей памяти было только два таких случая. И то не в Беларуси. Даже Штурмин, которого сегодня сделали едва ли не «узником совести», сидел не столько за проведение тренировок, сколько за распространение нелегальной видеопродукции. Видеофильмы о каратэ проходили по той же статье, что и порнографические картины. Попал в тюрьму и мой учитель — Владимир Илларионов: слишком уж заметны были эти фигуры. Их нельзя было оставлять на свободе.

Однако и под угрозой ареста люди все равно тренировались. Секции каратэ в Беларуси в основном работали под вывеской «групп общефизической подготовки с элементами борьбы и бокса». Что не защищало их от постоянного контроля. Даже при закрытых дверях и занавешенных окнах учителя не рисковали показывать удары ногами. Всерьез тренировались только с небольшой группой проверенных людей, предварительно замкнув двери в зал и тщательно обговорив «легенду» на случай появления «скользких вопросов».

— Ответ на вопрос, как каратэ смогло выжить в таких сложных условиях, я неожиданно получил в разговоре с... капитаном КГБ, — улыбается Кириенко. — Он сказал: «Я и многие мои коллеги считают, что каратэ запретили зря. В силовых структурах оно необходимо, а мы сейчас отстаем от других стран».

Именно благодаря армии и спецслужбам советское каратэ дожило до «оттепели», когда смогло наконец выйти из подполья. Сегодня каратэ — один из самых успешных видов спорта в Беларуси, который ежегодно приносит стране десятки медалей. Одним из отцов этого успеха стал ученик Кириенко, а ныне сам заслуженный тренер Беларуси Андрей Вилькин, который в конце 70-х создал первый в стране клуб каратэ «Спартиат». На сегодня выросший на основе «Спартиата» клуб «Ирбис» — один из лучших в Европе, а на счету династии Вилькиных значится несчетное количество наград и титулов и несколько десятков подготовленных чемпионов мира и Европы. Что же касается Олега Кириенко, то, не приняв «спортивный» вариант каратэ, по иронии судьбы он неожиданно оказался в стороне от успеха того дела, которому посвятил всю жизнь.

— У меня часто спрашивают, почему такой известный мастер, как вы, до сих пор не имеет своего зала, школы, где мог бы тренировать и зарабатывать деньги, — улыбается он. — Школа существует. Сегодня в ней тренируются внуки моих первых учеников! Но когда коллеги занялись поиском залов, набирали «под имя» платные группы и зарабатывали деньги, я интересовался только знаниями и самосовершенствованием. К счастью, и в ФОЦе Советского района, и во Дворце молодежи, где я работаю, мне всегда шли и идут навстречу, позволяя работать и тренировать детей.

Сегодня Олегу Кириенко 56. По меркам каратэ — едва ли не расцвет. В Японии многие 70-летние мастера могут то, что не под силу их 30-летним ученикам. Продолжает тренировать и Олег Борисович, лишь иногда вскользь и нехотя упоминая о том, что в Японии мастер его класса и уровня не жил бы в «хрущевке» и не думал бы, где найти зал для занятий. Впрочем, материальное благополучие также не является целью каратэ. «Единственное, за что мне обидно, — хмурится он, — так это за то, что ненужными оказываются мои знания, которые я собирал долгие годы». Впрочем, ненужными ли? Ведь как ни крути, но школа, которую прошли в свое время нынешние ветераны каратэ, то, что они узнали на собственном опыте, легло в основу стиля, который сегодня во всем мире известен под маркой русского каратэ, или рукопашного боя.

Фото Екатерины Полещук.

Автор публикации: [Дмитрий КОМАШКО](#)

Дата публикации: 28.03.2009